

С. Ф. ШАРАПОВ

Василий Васильевич Розанов

Давно собирался я напечатать портрет В. В. Розанова, которого сердечно люблю и которого так часто приходится бранить (до готовности иной раз просто поколотить, до того бывает он нестерпим в своих крайностях и беспорядочности мышления и писания), но все откладывалось, пока не прочел о нем статью г. Протопопова в «Русской мысли»¹. Тогда решил больше не откладывать. Еще раньше, в один из визитов ко мне В<асилия> В<асильевича> я поставил его к стене и снял, как умел, затем заставил его вытребовать на время от философа Я. А. Колубовского² написанную коротенькую автобиографию и, наконец, попросил моего друга написать «что-нибудь умное и глубокое», чтобы сделать клише его почерка и поместить под его портретом³. Словом, вывожу Василия Васильевича со всем церемониалом, принятым для таких случаев в «Русском труде». Это ничуть не помешает через самое короткое время и, может быть, даже, начиная с № 43-го, подвергнуть В. В. Розанова истинному телесному наказанию (без повреждения мягких частей) руками другого моего почтенного друга Н. П. Аксакова⁴, которое будет гораздо похуже издевательства г. Протопопова над совершенно нелепой и невозможной «часовенькой».

Г. Протопопов, положим, отшлепал В. В. Розанова поделом. Неужели, в самом деле, можно надеть, хотя бы в самое жаркое время, халат «сверх ничего», подпоясаться полотенцем и идти гулять по Невскому? В таком виде его захватил критик «Русской мысли» и весьма отшлепал, приподняв халат...

Но, отшлепав, г. Протопопову, дабы не уподобиться непочтительному сыну праотца Ноя⁵, следовало бы извиниться и поцеловать полу этого же самого халата, ибо все-таки шлепать г. Розанова г. Протопопов может, а тем не менее он недостойн серьезно даже развязать ремень у сапога его. Г. Роза-

нову русская жизнь и русская литература, несмотря на все его чудачества, *страшно многим обязана*, а г. Протопопову ровно ничем.

Если оставить в стороне замечательную книгу г. Розанова «О понимании», книгу, до сих пор никем не разобранную и не оцененную, — а это огромная и оригинальная философская работа, — если пропустить его чудесные исследования: «Место христианства в истории», «Легенду о Великом Инквизиторе», «Красоту в природе» и множество других его творений, а только остановиться над его сборником статей, озаглавленным «Сумерки просвещения», то уже одна эта вещь заслуживает не только благодарности гг. россиян, но, без всякого преувеличения — памятника.

Подумайте только: тридцать почти лет господствует в стране самая странная, самая противоестественная учебная система. Поколение за поколением калечатся и гибнут в школе, специально созданной с мыслью об укрощении разума чересчур даровитого русского юноши. Работа идет так успешно, что в университет являются заведомо малограмотные люди, снабженные аттестатом зрелости. Наконец, высшая медицинская школа отваживается заявить во всеуслышание, что из двух школ та, которая своих воспитанников не предназначает для медицинской науки, лучше, чем та, которая их специально готовит для университетского курса. Можно ли дать более резкую характеристику этой школы?

Много поднималось голосов в течение этого периода. Безобразия нашей псевдо-классической школы определились совершенно ясно. Но она продолжала стоять, как незыблемый государственный устой. Помню, когда у меня в «Русском деле» в 1888 году В. А. Белинский назвал нашу классическую систему системой душегубства детей⁶, моя бедная газета получила предостережение, а школа и не почувствовала удара. Помню, как затем смолкли все отрицательные и негодующие голоса. И вдруг подходит В. В. Розанов, и в самой осторожной и распространенной газете, в «Новом времени», одним ударом сдергивает таинственную завесу, скрывавшую школу от общества, и громко провозглашает: «Смотрите, господа! Это не школа, а гроб, полный нечистоты и смрада»⁷.

Удар был так неожидан и так силен, что все общество вздрогнуло, как от электрической искры. Правда воссияла, школу, или, вернее, систему спасти оказалось невозможным. Еще немного времени, и вот в памятном циркуляре нового министра народного просвещения обвинение признано, и школа бесповоротно осуждена⁸.

Неужели же это не великая, не бессмертная заслуга перед русским обществом? Неужели за это не простится Розанову его прежнее буюслобие и пустослобие до его трогательного союза с кн. Мещерским в области розги⁹, до его диких рыканий в «Русском слове» на «тверских либералов», до его теорий брака... назовем их хотя только странными.

Даже коренной оппонент В. В. Розанова, вечно злобствующий и мрачный П. Б. Струве, в прекрасной и почти искренней статье¹⁰ признал великую заслугу Розанова в деле школы. Какого еще нужно свидетельства?..

...Совершенно понятно как то впечатление, которое производили статьи В. В. Розанова о школе в разбросанном виде, так и то, которое они производят в составе целой книги. Да, эти статьи и эта книга — огромная и бессмертная заслуга перед русским просвещением.

